

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора	4
Глава 1. Начало.	11
Глава 2. Житейская мудрость	52
Глава 3. На пути к хирургическому олимпу.	134
Глава 4. Главный хирург Института имени Н.В. Склифосовского.	199
Глава 5. Грозовые тучи.	333
Приложения	506
Приложение 1. Перечень научных работ С.С. Юдина.	506
Приложение 2. Архивные материалы	506
Приложение 3. Воспоминания о С.С. Юдине.	506
Приложение 4. Дополнительная литература и источники информации.	506

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Мое знакомство с С.С. Юдиным

В 1948 г. Сергей Сергеевич Юдин находился в зените своей славы — профессор хирургии, действительный член Академии медицинских наук СССР, дважды лауреат Сталинской премии, почетный доктор Сорбонны, Королевского общества хирургов Англии, а также американского, парижского, каталонского и пражского хирургических обществ. За время Великой Отечественной войны награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды. За прошедший период советской власти в истории отечественной медицины еще не было врача, обладающего столь внушительным списком почетных званий. Институт хирургии имени Н.И. Склифосовского, в котором Сергей Сергеевич Юдин был главным хирургом, превратился в своеобразную Мекку, в которую, чтобы посмотреть на выполняемые им операции, приезжали хирурги со всех концов нашей необъятной страны. И вдруг — арест, застенки Лубянки и Лефортовской тюрьмы, а потом и ссылка в Сибирь. Как? Почему? За что?

Мое первое знакомство с Сергеем Сергеевичем Юдиным произошло на III курсе Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова. Преследуемый желанием познать премудрости хирургии, по совету одного из своих любимых учителей я взял в руки книгу с необычным названием «Этюды желудочной хирургии». Это была первая книга по хирургии, за исключением, пожалуй, «Неотложной диагностики живота» Генри Мондора, впечатление от которой я пронес через всю свою, хотя и не столь долгую, жизнь.

Затем были другие книги Сергея Сергеевича Юдина («Психология творчества», «Заметки по военно-полевой хирургии», «Переливание посмертной крови»), увлекавшие меня в ночное чтение не столько своей сугубо практической и научной ценностью, которую не суждено было в то время понять студенту третьего курса, сколько художественным слогом, стилем написания и внутренним миром самого автора, который, безусловно, оставался для меня тайной. Я ничего подобного еще не читал по хирургии, но именно под воздействием прочитанных книг пришло ко мне ощущение, что хирургия — это не просто отрасль медицины, а вечная энциклопедия жизни: «Кто же, как не хирург, видит рождение, жизнь и смерть, здоровье и болезнь, боль, страдания и радости, все величие и всю ничтожность человеческой души, и все это — в новых формах и проявлениях». С неистребимым желанием и переполняющим меня нетерпением я захотел узнать об авторе этих строк как можно больше, собирая редкие и почти единичные воспоминания о его жизни из газетных статей и журнальных публикаций.

И, тем не менее, к началу 1990 г. в моем распоряжении уже имелась солидная папка воспоминаний его учеников и очевидцев творческого пути. Собрал я и полную коллекцию изданных при жизни и уже после смерти С.С. Юдина монографий.

В 1991 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Сергея Сергеевича Юдина. Состоялось несколько юбилейных конференций, посвященных памяти великого хирурга. Вышла небольшая книга «Этюды биографии», с авторами которой — Вячеславом Васильевичем Сигаевым и Юлием Александровичем Шилинсом — я имел честь познакомиться гораздо позже. Под редакцией академика Бориса Васильевича Петровского в этом же году была издана книга «С.С. Юдин. Избранное», в которой были опубликованы некоторые научные работы Юдина. Учитывая, что со всеми этими работами я был уже знаком, наибольший интерес представляла заключительная часть, в которой Борис Васильевич, описывая свой жизненный путь, вспоминает годы войны, послевоенное время и встречи с Сергеем Сергеевичем. Однако причинам ареста Юдина автор уделяет всего несколько строк: «Закончилась война. И вот в эти мирные годы, страшно подумать, по ложным обвинениям — оговору единичных бесчестных коллег — Сергей Сергеевич был незаконно осужден и выслан в Новосибирскую область».

Тем временем после окончания ленинградской Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова в 1991 г. я отбывал к месту моей службы — в гарнизонный госпиталь города Новосибирска, увозя с собой и папку собранного мною материала о Сергее Сергеевиче Юдине. Я далек от мистики и пророчеств, но именно там, в провинциальном Бердске, академик Юдин отбывал свою ссылку.

Уладив немногочисленные бытовые и служебные проблемы, которые для молодого, неженатого лейтенанта медицинской службы и хлопотами назвать трудно, уже через несколько месяцев я находился в кабинете у начальника управления Комитета государственной безопасности (КГБ) по Новосибирской области с заявлением о возможности предоставить мне для ознакомления дело ссыльного спецпоселенца Юдина Сергея Сергеевича. Не знаю, или моя военно-морская форма так подействовала, или обеспокоенность его более насущными ведомственными проблемами, только уже через пару часов я находился в другом кабинете — заместителя начальника Министерства внутренних дел (МВД). Все дело в том, что к курированию ссыльных КГБ имел исключительно косвенное отношение, тогда как непосредственными вопросами их нахождения в ссылке занималось МВД. Так или иначе, спустя неделю в специально отведенной для меня комнате я сидел за столом в углу и держал в руках столь драгоценный материал, который уместился в одну небольшой толщины папку. Однако материал этот был бесценный — хронология событий и вся личная переписка Сергея Сергеевича Юдина.

Среди обозначенных контактов ссыльного академика на сибирской земле первой в моем списке значилась Валентина Николаевна Понурова, в квартире которой, как это следовало из дела, проживал Сергей Сергеевич во время своих визитов из Бердска в Новосибирск. Созвонившись с ней по телефону, уже в ближайшие выходные дни я гордо вышагивал по центральному проспекту Новосибирска (понятно, носящему имя Ленина), выпрашивая после очередного перекрестка у встречающихся мне людей, где находится улица Коммунистическая, 29.

Валентина Николаевна Понурова встретила меня добродушно (понятно, что свою военно-морскую форму я не сменил на гражданский костюм), усадила за стол, приготовила чай. Познакомились.

«Александр Борисович, Вы даже и не догадываетесь, что в этой самой комнате и за этим самым столом пил чай Сергей Сергеевич». Но об этом потом. Вскоре Валентина Николаевна познакомила меня и со многими другими очевидцами тех событий, в связи с чем в ближайшее время я выехал в город Бердск — непосредственное место ссылки Юдина, где состоялась моя встреча с хирургом Бадьным Георгием Петровичем и другими врачами местной больницы — людьми уже очень преклонного возраста. Побывал я в гостях и у бывших сотрудников КГБ и МВД по Новосибирской области, которые в силу своих служебных обязанностей имели отношение к Сергею Сергеевичу Юдину. Одним из них был Ткачев Владимир Иванович, который, будучи лейтенантом Министерства государственной безопасности (МГБ), сопровождал Юдина в Москву, когда 27 ноября 1952 г. его было необходимо доставить вновь на Лубянку для дачи дополнительных показаний. Пришлось мне съездить и в Томский медицинский университет, где хранится архив профессора Савиных Андрея Григорьевича, дружбу и самые близкие отношения с которым Сергей Сергеевич поддерживал многие годы, начиная еще с Москвы. Очень скоро встречи мои с Валентиной Николаевной стали носить регулярный характер, я непременно брал с собой пишущий аудиоплеер (сложно представить, но редкую по тем временам модную вещь), а мой архив о Юдине стал прирастать многими страницами личных воспоминаний Валентины Николаевны.

Через несколько лет, в период почти полного развала нашей доблестной Красной Армии, после увольнения из рядов Вооруженных сил, я покинул Новосибирск. При расставании Валентина Николаевна подарила мне увесистую папку материалов, среди которых были перепечатанные ее матерью, Кроловец Еленой Сергеевной, специально для Сергея Сергеевича Юдина его воспоминания, написанные им во время заключения в Лефортово, касающиеся некоторых эпизодов его жизни. «Вот, Александр Борисович, Вам подарок. Изучайте, может, когда-нибудь опубликуете, но прошу Вас об одном — узнайте тюремную историю Юдина полностью и напишите об этом книгу». На первой странице в папке было обозначено: «Эту рукопись своего мужа я очень берегу. Написана она им в тюрьме на Лубянке. Наталья Юдина». По этой причине в первой части книги очень многое построено на воспоминаниях самого Сергея Сергеевича.

Несмотря на то, что за время моего нахождения в Новосибирске мне удалось собрать много материала об этом периоде жизни Сергея Сергеевича, основные вопросы — за что был арестован, как велось следствие и на основании каких обвинений, а точнее, чьих показаний выстраивалось обвинение — оставались без ответа.

Так что же случилось? Почему вдруг академик Сергей Сергеевич Юдин, первый хирург страны, человек с мировой известностью, попал в немилость к властям? Меня охватил холодок восторга, азарт предчувствия удивительных открытий. Продолжая собирать опубликованный о Сергее Сергеевиче Юдине материал, я понимал: они, эти открытия, непременно должны были быть там, на Лубянке, ибо между улыбающимся, полным счастья и жизни лицом на фотографии и ужасными подозрениями лежало белое, ничем не заполненное пространство, пустыня неведения, которую предстояло заполнить реальными

фактами. Все то, что произошло после ареста за стенами тюрьмы, оставалось тайной. И я не надеялся раскрыть ее, но, как говорится в таких случаях, надежда меня не покидала. Пять лет я вел переписку с высокопоставленными сотрудниками и чиновниками КГБ, отправляя заявления, ходатайства университета и рекомендательные письма отделения Союза писателей России. Пять лет я пытался достучаться в дверь, которая по всем законам нашей жизни не должна была так просто открыться.

За всю историю советской власти немногим крупным историкам удалось видеть документы о внутренней жизни следственных камер. Тем не менее, может быть, времена изменились или нашелся один из порядочных людей, но произошло, казалось, невозможное: тяжелые двери Центрального архива КГБ ненадолго открылись предо мной.

Дорогие читатели, вы можете себе представить, с каким трепетом и волнением я сидел за столом, на котором лежали пять увесистых томов, в 500 страниц каждый, личного дела арестованного С.С. Юдина — профессора хирургии, академика, главного хирурга Института имени Н.В. Склифосовского. И началась кропотливая работа с документами, которая, с учетом отпущенных мне для ознакомления 2 нед, шла почти по 12 ч в день без перерыва.

Работал я интенсивно. Каждый раз, придя домой, восстанавливал по рукописям и памяти то, что не успел записать. Каждый раз, приходя на следующий день в архив и предъявляя документ, я был готов к тому, что мне скажут: «Хватит! Достаточно». Но и на следующий день я вновь проходил в отведенную комнату, где меня окружали тысячи таких же томов. Чьи судьбы хранятся там? Сколько можно было бы рассказать людям правды, и не только о тех далеких годах репрессий! Вежливо здороваясь со мной при входе и подписывая мне пропуск, дежурный офицер каждый раз задавал один и тот же вопрос: «Не понимаю, зачем Вам это нужно? Был бы родственник или национализированное наследство — еще куда ни шло, а так — зачем, непонятно». Он не понимал меня, а я не понимал его, но работа продолжалась.

Продолжалась она и потом, еще долго, когда предстояло сопоставить все уже написанное с вновь полученными мною документами. И вот теперь, спустя годы, взяв все это за основу, я могу достоверно, опираясь на факты, рассказать не только все о Сергее Сергеевиче Юдине, но и поведать о тех годах его жизни, которые помешали еще более открыться таланту академика, о тех годах, которые сломали физически, но не смогли сломить волю человека, заставить его склонить голову, признать себя побежденным, отречься.

Периодически я списывался с Валентиной Николаевной Понуровой, рассказывая ей о своих успехах, но работа непосредственно над книгой продвигалась медленно.

В 2002 г., отправляя свои научные тезисы на очередной Всероссийский съезд хирургов, я обратил внимание, что в рамках предусмотренной программы его работы одна из секций будет посвящена истории медицины. В связи с этим к своим нескольким тезисам по вопросам хирургии я добавил еще один, в котором мною впервые были затронуты причины ареста Сергея Сергеевича Юдина. Учитывая, что, кроме меня, никто из присутствующих в зале не имел достоверной информации о годах жизни, проведенных в Лефортово, а затем и в сибирской ссылке, доклад вызвал большой интерес, и вместо 10 от-

веденных минут я простоял у трибуны все 30. На импровизированном банкете после заседания мы договорились с Вячеславом Васильевичем Сигаевым и Юлием Александровичем Шилинисом продолжить работу с материалом о Сергее Сергеевиче Юдине. Тогда же произошла моя первая встреча с профессором Владимиром Дмитриевичем Федоровым. Я заручился их поддержкой в плане подготовки книги. На том и решили.

Великий хирург современности Николай Михайлович Амосов в своей книге «О счастье и несчастьях» в 1990 г. писал: «Всю историю жизни, включая и тюремную историю Сергея Сергеевича Юдина, еще кто-нибудь напишет, у меня нет достаточных сведений». В 2002 г., когда первый вариант рукописи был готов, мне об этом первом хотелось сообщить именно Николаю Михайловичу, и мы с ним по телефону договорились встретиться. Хотелось с ним обсудить то место, где следует поставить точку. Но время летело неумолимо, и когда я, готовый к поездке в Киев, набрал номер его телефона, трубку взяла его супруга Лидия Васильевна, сообщив, что на данный момент Николай Михайлович очень болен и даже не может разговаривать по телефону, а спустя несколько недель его не стало. Ушел из жизни еще один великий хирург и гениальный человек.

Первый вариант полной рукописи книги в 2006 г. я передал для прочтения профессору Сергею Павловичу Глянцеву, известному историку медицины, в то время члену редакционного совета журнала «История медицины», который открыто и по-дружески поделился впечатлением о написанном мною, дав несколько кардинальных советов по продолжению работы над книгой. В первую очередь это было связано не столько с недостатками в материалах о самом Сергее Сергеевиче Юдине, сколько с моим недостаточно зрелым на тот период времени восприятием эпохи в целом и политических событий, происходящих в стране в тот период времени. Как позже в своем письме мне напишет Сергей Павлович: «Вот ведь в чем дело: смотреть на события того времени с точки зрения сегодняшнего дня надо только после того, как они будут проанализированы с точки зрения того времени. Тогда во главу угла ставилась идеология, и ничего с этим мы поделать не сможем. Мы потому сейчас столь критически оцениваем репрессии, потому что убираем всю идеологию. Но это делать недопустимо. Как XIX в. нельзя рассматривать вне религии, так и век XX нельзя изучать без акцента на советскую “революционную” идеологию. К сожалению, так было...»

По этой причине мне было необходимо самым серьезным образом изучить документально и разобраться в причинах сгущения грозowych туч над страной и народом в послевоенные годы, а следовательно, еще раз проанализировать написанное об этой эпохе многими историками и истинными литераторами, к которым я себя, конечно, не отношу. Так в очередной раз уже написанный мною материал постепенно прирастал новыми подробностями и архивными материалами. С каждым новым материалом и прочитанной книгой мне становилось понятным: почему вдруг участвовавшие в первых допросах Сергея Сергеевича Юдина старший следователь полковник МГБ М.Д. Комаров и Л.Л. Шварцман вдруг были заменены М.Д. Рюминым и А.Г. Леоновым; почему потом вдруг Юдина оставили в покое и дали даже возможность писать в камере; куда вдруг пропал Абакумов, а затем и Рюмин; почему министром МГБ

был назначен Игнатъев и каким образом получило развитие дело кремлевских врачей, в рамках которого Юдин для дачи дополнительных показаний был доставлен из Новосибирска в Москву.

А еще с каждым появившимся новым фактом и связанными с ним фамилиями я старался непременно найти фотографию этого человека и узнать о нем больше. Я хотел видеть перед собой фото следователя Комарова Владимира Ивановича или Шварцмана Льва Леонидовича, через руки которых во время допросов с пристрастием и учиненных ими пыток прошел не только Сергей Сергеевич Юдин, а сотни других заключенных. Я хотел видеть фото полковника Рюмина, написавшего донос Сталину на своего министра, и фото жены Абакумова, которая находилась в соседней камере с четырехгодовалым сыном. Я хотел видеть лица членов Еврейского антифашистского комитета и врачей, арестованных по этому делу, с которыми Сергей Сергеевич Юдин был лично знаком на протяжении многих лет. Я хотел видеть фото генералов, против которых Юдин вынужден был давать показания. Я хотел видеть фото людей, непосредственно причастных к аресту Юдина и свидетельствовавших против него. И хотя это привело к увеличению общего количества страниц, я не думаю, что это является существенным недостатком книги.

Ретроспективно всматриваясь в те годы, я сейчас останавливаюсь на мыслях и задаю себе один вопрос: а готов ли я был морально к написанию такой книги? Формально — да, внутренне — нет. Все дело в том, что я был человеком другого — моего поколения. Мне не удалось испытать ужасы репрессий и войны. Непуганный, я имел совсем иную психологическую и философскую конструкцию, чем многие из моих собеседников, старше меня на несколько десятков лет. Количество же обрушившейся в 1990-х годах на нас информации о массовости репрессий, при всей прозрачности свалившейся на нас демократии, с завидным постоянством сводило причины ужасов тоталитарного режима к одному, а точнее, к личностям Сталина и Берии. И лишь в единичных публикациях можно было уловить нотки намека, что роль Молотова, Маленкова, Хрущева и многих, очень многих других, причастных к созданию идеологии рабоплепа толпы, до сих пор не предана той огласке, которой она заслуживает.

По мере работы над книгой мне все яснее становилось, что, рассказав тюремную историю Сергея Сергеевича Юдина, основную задачу я выполню только наполовину. Намного важнее, чтобы каждый огляделся вокруг и заглянул в свою душу, внутрь самого себя. Кто он? И что можно ожидать от нас сегодня? Я хотел, чтобы мой рассказ о жизни одного конкретного человека заставил моих современников еще раз осмыслить многие трагедии нашей эпохи: почему великий бактериолог и создатель первых в мире антибиотиков Владимир Хавкин был затравлен в СССР антисемитами и умер, неведомый миру? По каким причинам эстонский хирург Арнольд Сеппо, умеющий делать уникальные живые человеческие суставы, четверть века подвергался травле? Как так могло случиться, что, накормив мир, гениальный Николай Вавилов умер от общей дистрофии на тюремной койке? И, согласитесь, виноват в этом далеко не только Сталин!

Увы, по каким-то законам исторического развития нам не суждено было с достоинством пройти по канату, натянутому над бездной. Осознав это и безуспешно пытаясь выкарабкаться из пропасти, мы хотим по-прежнему выяснить,

кто больше виноват, перемежаем проклятья с очередными лозунгами и призывами, будто бы не нахлебались всего этого самой большой сказочной ложкой. Как ни сложна и порой непонятна наша жизнь, но и сегодня мы подрубаем сук, на котором продолжаем дружно моститься. А что происходит с нашими душами? Они черствеют. И в жизни по-прежнему остается еще слишком много лжи и фальши, лицемерия и лести, услужничества и подлости. Сам человек не скоро поймет простую истину, что в жизни применяются два способа, чтобы стать выше окружающих. Один из этих способов более труден, основан на том, чтобы самому подниматься как можно выше в своих знаниях, в своей технике, в своей добросовестности к делу. Другой способ, более легкий, основан на стремлении принижать и устрашать людей вокруг себя, он может придать ореол важности и недоступности, но именно первый способ действительно возвышает человека. Что делать? Ветер мракобесия во все времена крутит крылья одной и той же мельницы. Так было, так есть и так долго еще будет.

«Смотрите пристально, смотрите каждый день в сердце свое, нет ли там какой тьмы. И если увидите там хоть малейшую тьму, тотчас же слезами, горькими слезами разгоните эту тьму. В душе человеческой должен воссиять свет. Совесть укажет вам путь к свету», — эти слова принадлежат другому, не менее известному человеку — профессору хирургии Валентину Феликсовичу Войно-Ясенецкому, ставшему после десяти лет, проведенных в ГУЛАГе (Главное управление лагерей), Тамбовским архиепископом Лукой, который в 2000 г. был причислен к лику святых. Быть может, только тогда, когда мы поймем истинный смысл этих слов, для России настанут другие — лучшие времена.

Итак, дорогой читатель, эта книга о человеке с жизнью-легендой, достойной уважения и преклонения каждого, связавшего свою жизнь с хирургией или просто делающего пока еще первые шаги. Эта книга — история судьбы. История зависти, измены, предательства лучших друзей и некоторых из первых учеников. Эта книга о тех, кто был рядом, кто находил в себе силы выстоять и одержать победу. Их были тысячи — таких академиков, писателей и ученых, простых русских интеллигентов. Вот почему мне представляется, что эта книга, в основу которой положено столько фактического материала, будет интересна и людям, далеким от медицины.

*С глубоким уважением,
А.Б. Санников*

ГЛАВА 1

Начало

Когда мы пристально смотрим на то место, где ожидаются изменения, мы легко можем не увидеть... общих контуров или даже очень важных вещей, происходящих вне нашего поля зрения.

Ганс Селье

В стольном городе Москве, в одном из старинных добротных домов, которые несут на себе отпечаток времени и старины глубокой, 27 сентября (по старому стилю) 1891 г. принимал поздравления от родственников, знакомых и сослуживцев московский фабрикант Сергей Сергеевич Юдин по случаю удачного родоразрешения супруги Екатерины Петровны. Долгожданный первенец в семье родился крепким и здоровым белокурым мальчуганом. Нарекли его в честь отца и деда Сергеем Сергеевичем. Мать, Екатерина Петровна, в девичестве Гаврилова, сословием выходила из замосквореченского купечества. Как и было положено детям из высших сословий, она получила весьма хорошее образование в Петропавловской школе при Немецкой слободе: глубоко знала русскую и французскую литературу, ценила живопись и музыку, в совершенстве владела французским языком. Весьма рано вышла замуж, однако счастье ее было недолгим, так как вскоре после рождения дочери Агнии умер муж.

Спустя время, вновь встретив любящего и дорогого сердцу человека, в 1889 г. вышла замуж за Сергея Сергеевича Юдина (отца будущего хирурга). Брак складывался весьма удачно, и уже через 2 года в семье Юдиных отмечали рождение сына Сергея.

Всего же детей было семеро: Сергей, Петр, Глеб, Агния (от первого брака Екатерины Петровны), Георгий, Наталья и Екатерина (от первого брака отца, Сергея Сергеевича Юдина).

Слева направо: **Сергей Сергеевич**, Екатерина Петровна (мать), женщина в центре — сестра отца; сестры Екатерина Сергеевна и Наталья Сергеевна, брат Георгий, в центре (на полу) — братья Петр и Глеб, женщины справа не известны. Второй ряд: Агния Сергеевна (сестра), Сергей Сергеевич (отец).

Несмотря на отсутствие университетского образования, Екатерина Петровна до конца своих дней отличалась изысканными манерами, культурой и умением тонко разбираться в литературе. Уже гораздо позже, застав как-то

жену Сергея Сергеевича, Наталью Владимировну, за чтением Достоевского зимой, она весьма удивленно заметила: «Наташа! Да разве можно перечитывать Достоевского в твои годы зимой?! Для русских людей старше сорока лет он переносим только весной!»

Сереза Юдин в 4 года

Братья Сергей, Петр, Глеб, Георгий (Юрий)
Юдины

Семья Юдиных, 1905 г.

Дожив до преклонного возраста, она всю себя отдала воспитанию детей. «Мы не из богатых, — любила повторять Екатерина Петровна, — но, всю жизнь стоя на рогожке, умели говорить с ковра».

Дед Юдина был совладельцем торгового дома Юдиных, занимавшегося торговлей военно-офицерскими вещами. Торговая фирма «Братья Юдины» имела в Москве, в Токмаковом переулке, свою фабрику по производству погон, портупей, темляков. Управляющим этой фабрики до 1908 г. являлся отец Сергея Сергеевича. После смерти деда, в 1909 г., он открыл на Бакунинской улице металлотянущую фабрику по выработке серебряной и медной проволоки, которая шла на изготовление воинских знаков отличия. На фабрике было задействовано около 15 человек и несколько надомников. Кроме того, отец Юдина входил в совет директоров «Верхних торговых рядов» (нынешний ГУМ). За свою деятельность в 1909 г. отец Юдина по указу Его Императорского Величества был удостоен престижных званий «Личный почетный гражданин Москвы» и «Купец первой гильдии». По роду своей деятельности он много разъезжал по России и был очень образованным человеком. Владелец этой фабрики отец Юдина оставался вплоть до Октябрьской революции.

В годы советской власти от торговых дел Юдин-старший полностью отошел и до самой смерти (1925) служил письмоводителем в школе военной маскировки, а совладельцами металлотянущей фабрики в этот период являлись братья Сергея Петр и Юрий, за что в 1928 г., после национализации фабрики, были арестованы органами объединенного государственного политического управления (ОГПУ), осуждены и сосланы в Северный край сроком на 3 года.

По возвращении из ссылки Юрий устроился инженером на одну из московских фабрик, где проработал вплоть до начала Великой Отечественной войны. Однако в 1942 г. был арестован вторично и на этот раз приговорен к 10 годам исправительных лагерей. Второй же брат, Петр Сергеевич, работал почти до последних дней своей жизни в Научно-исследовательском институте водного транспорта.

Был у Сергея и третий брат, Глеб, служивший до 1918 г. штабс-капитаном в царской армии. Умер он в 1919 г. в Москве от сыпного тифа.

Сергей воспитывался в одном из лучших детских садов Москвы на Маросейке, устроенном в здании родословного дома Нарышкиных.

После смерти в 1702 г. графа Василия Федоровича Нарышкина (двоюродного дяди Петра I) часть усадьбы на улице Маросейке, 11, была отдана пастору Глюку для устройства одного из первых в России казенных светских учебных заведений. Изначально насчитывающая 28 учеников, гимназия Глюка уже через 4 года занимала почти весь участок усадьбы. Наибольшее внимание при обучении в гимназии уделялось изучению иностранных языков. Интересен факт, но именно на одну из воспитанниц пастора Глюка и весьма образованную девушку Марту Скавровскую обратил свое внимание молодой граф Меншиков, которой суждено было стать впоследствии императрицей Екатериной I.

Вскоре усадьба Нарышкина перешла во владение Саввы Рагузинского — сербского эмигранта, состоявшего на русской дипломатической службе, который, значительно расширив территорию усадьбы, придал строению исторически запечатленную П-образную форму.

Здание дома Нарышкина-Рагузинского на улице Маросейке, 11,
где располагался детский сад

Затем усадьба Нарышкина-Рагузинского много раз переходила из рук в руки, а новые владельцы нередко перестраивали здание в духе времени.

Ко времени рождения Сергея Юдина в 1891 г. в главном здании усадьбы Нарышкина-Рагузинского размещалась Елизаветинская женская гимназия, а в дополнительно выстроенном во внутреннем дворе одноэтажном корпусе — детский сад, одно из самых популярных дошкольных образовательных учреждений среди среднего сословия в Москве.

Все дело в том, что в конце 80-х и начале 90-х гг. XIX в. создание детских садов и яслей при женских гимназиях получило большое распространение и становилось обыденным делом во всех губерниях на территории России. Активным образом в устройении детских садов принимали участие многие крупные и менее значимые фабриканты и владельцы заводов. Так, уже к концу 1880-х гг. на смену единственно существующих детских садов при церковно-приходских школах стали появляться первые светские дошкольные учреждения, где наряду с получением светского классического первоначального образования и воспитания традиционно большое внимание уделялось изучению нескольких иностранных языков. В Санкт-Петербурге устройство детских садов проходило под руководством Елизаветы Ивановны Тихеевой, а вот, например, в Тульской губернии организацией первых детских дошкольных учреждений заведовала Елизавета Павловна Смидович, мать писателя Викентия Смидовича (Вересаева). На государственном уровне по императорскому указанию при женских гимназиях по всей России открывались и первые курсы по подготовке женщин-воспитательниц для детских садов.

Обед детей в детском саду на улице Маросейке, 11, 1908 г.

Москва, улица Маросейка, бывший дом 11, 2013 г.

В 1902 г. Сергей, а через 2 года и его брат Петр, успешно сдав вступительные экзамены, поступили и начали свое образование во 2-й Московской гимназии, помещавшейся на Разгуляе, в известном (своей архитектурой) бывшем особняке Бобрищева-Пушкина.

Сергея Юдин в 11 лет, на момент поступления в классическую гимназию

История создания данного учебного заведения заслуживает нескольких дополнительных строк нашего внимания.

* * *

Московская 2-я гимназия была открыта в 1836 г. в бывшем дворце графа Мусина-Пушкина на площади Разгуляй. Под ее управлением работали московские уездные училища. При гимназии имелся благородный пансион.

Изначально существовавшая в Москве 1-я гимназия, преобразованная из Московского университетского благородного пансиона, в связи с изменением своего статуса оказалась переполненным учебным заведением, в которое теперь стремились поступить большое количество детей не из дворянских семей.

В 1834 г. будущий попечитель московского учебного округа граф Сергей Григорьевич Строганов при посещении единственной в то время в Москве гимназии (1-й Московской гимназии) установил, что она переполнена учащимися. В результате было сделано представление в Министерство народного просвещения о необходимости для столь многолюдного города, как Москва, открытия второй гимназии.

Сначала предполагалось купить дом князя М.П. Голицына на Новой Басманной улице (№ 26). Однако 31 января 1834 г. была заключена купчая о приобретении за 130 тыс. рублей ассигнациями дома наследников графини Е.А. Мусиной-Пушкиной на Разгуляе. Купчая на этот дом с принадлежащей к нему землей (более 5 тыс. кв. сажень) была заключена от имени графов Ивана и Владимира Алексеевичей Мусиных-Пушкиных. По описи, приложенной к купчей, продавались главный трехэтажный каменный корпус, два каменных двухэтажных флигеля и один одноэтажный флигель. Общая площадь владений,